

УДК 141.7

Абрамов Сергей Валериевич

аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин,

Северо-Кавказский социальный институт

abramovserg26@mail.ru

Sergey V. Abramov

graduate student of department of social and humanitarian disciplines,

North Caucasian social institute

abramovserg26@mail.ru

Социокультурная и психосоциальная обусловленность образа будущего в сознании общества

Sociocultural and psychosocial conditionality of the image of the future in the consciousness of society

***Аннотация.** В статье содержится анализ формирования антиципативного сознания современного социума, исследуется диалектика взаимодействия субъективного и объективного факторов в построении картины будущего. При этом особое внимание уделяется проблеме конкуренции образов будущего, а также особенностям их репрезентации. Автор подробно рассматривает институциональные усилия государства по внедрению в массовое сознание искомым антиципативных представлений.*

***Ключевые слова:** антиципация, коллективное сознание, образ будущего, современное общество, социокультурная обусловленность, институциональные усилия.*

***Annotation.** The article contains the analysis of the formation of the anti-
scipative consciousness of modern society, the dialectics of the interaction of
subjective and objective factors in the construction of the picture of the future. At
the same time, special attention is paid to the problem of competition of images of
the future, as well as the peculiarities of their representation. The author examines
in detail the institutional efforts of the state to introduce into the mass
consciousness the desired anticipation.*

***Keywords:** anticipation, collective consciousness, image of the future,
modern society, socio-cultural conditionality, institutional efforts.*

Генезис образа будущего в рамках жизненного мира имманентно связан с тем эмоциональным рядом, который при этом неизбежно присутствует. Не будет преувеличением сказать, что данный образ во многом является эмоциональным образом. Данный тезис, на наш взгляд, вовсе не противоречит другому постулату, интерпретирующему антиципативный конструкт в качестве рациональной модели. Дело в том, что последняя представляет собой настолько сложную ментальную конструкцию, что включает в себя самые разнообразные элементы и формы сознания общества.

Мы видим в эмоциональном компоненте антиципации, присутствующей в границах жизненного мира, не только одно из измерений интерсубъективной феноменологической реальности, но и некий когнитивный момент, обеспечивающий социолога дополнительным эвристическим ресурсом. Очевидно, что нет иной возможности исследовать характер влияния образа будущего на социокультурное поведение населения иначе как, достигнув глубокого понимания воздействия на него эмоционального фактора, осуществив анализ тех переживаний, на фоне которых генерируются антиципативные представления.

Крайне важно при изучении эмоционального аспекта антиципации определить его ценностное значение, наделив таковую положительным, отрицательным или нейтральным знаком. Содержание знака должно определяться характером обратной связи, существующей между эмоциональной заряженностью образа будущего и конкретной результативностью социокультурных практик. Если таковые оказываются социально успешными, то сопровождающие их эмоции следует считать позитивными, в противном случае, они будут определяться в качестве деструктивных. При отсутствии эмпирических данных относительно характера влияния антиципативной эмоциональности на наличную социальную реальность, последнюю можно интерпретировать как нейтральную.

Множественность образов будущего способствует тому, что они начинают естественным образом конкурировать друг с другом, причем эта конкуренция проявляется не только на уровне рефлексии, но и в плоскости эмоций. Для социологической дескрипции этой конкурентной борьбы мы должны обратиться к принципу редукции, позволяющему выделить из всей шкалы эмоций основные эмоциональные ряды в качестве детерминант социального поведения. Основными здесь могут быть эмоция страха и эмоция надежды. Вот как описывает воздействие этих эмоций на личность и общество Д. Моизи: «Страх – это отсутствие уверенности в себе. Если в вашей жизни господствует страх, вы со страхом воспринимаете настоящее и ожидаете, что будущее станет еще более опасным. Надежда, напротив, выражает уверенность; она основана на убеждении, что сегодня жизнь лучше, чем вчера, а завтра будет лучше, чем сегодня» [3, 18].

Концептуальное значение сказанного Д. Моизи заключается в следующем. Во-первых, он указал на тот факт, согласно которому образ будущего во многом является проекцией настоящего. Иными словами, наличный эмоциональный фон экстраполируется в перспективный сценарий социального актора. Во-вторых, Моизи говорит не о простой экстраполяции, сохраняющей эмоциональный заряд в его изначальном виде, а об усилении эмоционального напряжения по мере мысленного перенесения данного заряда в будущее.

Нет никаких сомнений в том, что представления о будущем имеют конкретно-историческую обусловленность, несут в себе печать страновой специфики. В этом смысле не является исключением и Россия, пространство

жизненного мира которой представляется нам достаточно эклектичным, объединившим в себе нормативные установки и представления как старой, так и новой социально-экономических формаций. Эклектизм антиципативной модели состоит в противоречивом понимании обществом роли властных структур в реализации его перспективных планов и меры ответственности государства за их неудачную реализацию.

Если предпринять самый общий подход к исследованию данного вопроса, то можно увидеть три основных разновидности представлений относительно государственного участия в построении конкретных жизненных стратегий социального актора. Одна из них представлена в патерналистском типе сознания и ориентирована на максимальную вовлеченность власти в реализацию личных планов человека на будущее, что мы рассматриваем как рецидив патернализма, доминирующего в советскую эпоху и пролонгированного в настоящее.

На противоположном полюсе расположена позиция, ориентированная на полную эмансипацию актора от государственного вмешательства в разработку и реализацию его жизненных планов. Причем данная позиция обусловлена не столько высоким уровнем самосознания той части населения, которая ее разделяет, сколько низкой степенью эффективности самого государства в целом и его конкретных структур в частности.

Все больше число наших сограждан осознает, что самостоятельно они достигнут большего, чем в том случае, когда делегируют часть своих социальных полномочий государству. Подобная позиция, существовавшая, к слову сказать, уже в период рассвета советского патернализма, значительно укрепилась в ситуации современности. «Жить, не рассчитывая на поддержку государства сегодня, подчеркивают М.К. Горшков и Н.Н. Седова, - это не хорошо и не плохо, а вынужденно и необходимо. И умение делать это – ключевой ресурс, определяющий степень успешности реализации человеком своих целей» [1, 6].

Серединное положение занимает так называемая «комбинированная позиция», состоящая в одновременной реализации актором двух принципов: принципа «умеренного» патернализма и принципа социальной автономии. На данной позиции находятся те, кто осознает неизбежность опоры на собственные силы, но одновременно не хотел бы отказываться от поддержки со стороны государства.

Представители соответствующего подхода к разработке личностной антиципативной модели объединяют в себе социальный контингент с самым разнообразным жизненным опытом и представлениями относительно правил существования в окружающей их действительности. Это могут быть носители патерналистского сознания, вынужденные приспособляться к новым социокультурным реалиям. С другой стороны, в их число входят и те, кто, будучи вполне самодостаточными, не отказывается от использования государственного ресурса. Сюда же мы склонны отнести и «стихийный»

подход к перспективному целеполаганию, когда будущее не превращается в предмет рефлексии, а продвижение к нему происходит спонтанно.

Неоднородность этой среды порождает трансмутацию внутри самих ее субъектов. Так, традиционно лояльные условные «патерналисты» выступают с требованиями пересмотра прав и обязанностей государства по отношению к себе, а сторонники большей автономии готовы ограничить собственную свободу в обмен на материальное благополучие. Господствующие здесь настроения весьма точно охарактеризованы М.К. Горшковым и Н.Н. Седовой. «Вырисовывается картина, - заявляют указанные авторы, - где важными признаками самодостаточности является желание уйти от любых границ, рамок, условностей – будь то традиционные рамки материального благополучия или периодически актуализирующиеся политические права и свободы. Однако такая «романтика» уступает «правде жизни», и уверенное большинство «самодостаточных» (78%) признают, что свобода должна иметь под собой твердую почву...» [1, 12].

Основной характеристикой жизненного мира, рассматриваемого в модусе современности, является, как это уже неоднократно отмечалось исследователями, его усложнение. Соответственно, имеет место и усложнение антиципативного конструкта, как в части его содержания, так и с точки зрения локализации последнего в массовом сознании. Что касается содержательного аспекта современной антиципации, то он связан, прежде всего, с принципом эклектичности, на основе которого происходит его конституирование. Мы можем обнаружить здесь большое число взаимоисключающих моментов, органически принадлежащих к различным социокультурным и этнокультурным парадигмам. Зачастую указанные элементы антиципации представляют собой набор бинарных оппозиций, таких как: секулярное и сакральное, прагматическое и альтруистическое, глобалистское и изоляционистское, этнорегиональное и общенациональное.

Такого рода эклектика во многом объяснима тем, что современный российский социум имеет транзитивную цивилизационную локализацию, продолжая объединять в себе социокультурные параметры досоветского прошлого, социалистической эпохи и постсоветского настоящего. Стихийная или институциональная корреляция всех совокупных элементов антиципативной модели стабилизирует общество посредством продуцирования в таковом своеобразной «антиципативной солидарности». Действующие при этом стабилизационные механизмы могут быть описаны посредством обращения к принципу паритетности, сформулированному Н.И. Лапиным. По Лапину: «Принцип паритетности и взаимопроникновения культуры и социума означает, что ни одна из этих составляющих общества не сводится к другой и не выводится из него» [2, 6]. Автор связывает наличие данного принципа, в качестве регулятива социального бытия, со спецификой современного социума, структуры которого имеют сетевой, неиерархический характер и которые, в свою очередь, происходят из «многомерности человека и противоречивости функций социального действия» [2, 6].

В свою очередь, диссонанс во взаимодействии различных антиципативных компонентов приводит к внутренней разбалансировки самой модели, что, безусловно, стимулирует общественную полемику относительно нормативного образа будущего, порождая тем самым антиципативный антагонизм как внутри самого общества, так и между ним и отдельно взятой личностью, располагающей собственными представлениями относительно должного в горизонте будущности.

Два описываемых нами модуса антиципативной разновидности социальной конфликтогенности также могут быть проанализированы с помощью уже упоминаемых нами принципов академика Н.И. Лапина. К анализу первой ситуации (конфликт внутри социума, связанный с различиями в понимании общего будущего) может быть применен т.н. «принцип бинарной противонаправленности социетальных процессов». Последний означает, что «каждому процессу, воплощающему динамику социума и имеющему определенную направленность, сопоставлен противоположно направленный процесс» [2, 6]. Соответствующий конфликт индивида и общества объясняет принцип неполноты антропосоциетального соответствия, гласящий, что подобное противостояние обусловлено «неполной совместимостью личностно-поведенческих характеристик человека как социализированного актора (личности) и характеристик социума» [2, 6].

Конкуренция, конфликтогенность, противоречия существуют не только в качестве борьбы образов будущего, но и как борьба ожиданий. В современной России нет такой социальной сферы, где не велось бы такого рода противостояние. Его суть может быть сведена к формуле: в обществе нарушен баланс взаимных ожиданий. Иными словами, мы не только ожидаем что-то в будущем, но мы ожидаем некой нормативности и от конкретного социального актора, от того, кто является нашим коммуникативным контрагентом. Подобные ожидания распространяются на социальные институты, управленческие структуры, субъекты бизнес-сообщества и проч. Так, например, антиципативные установки работодателя могут включать в себя ожидания, согласно которым наемный работник будет трудиться с полной отдачей, за минимальное денежное вознаграждение и без каких-либо социальных гарантий. Очевидно, что ожидания первого окажутся прямо противоположными. При этом истоки конфликта мы обнаруживаем в поле субъективности, поскольку, как отмечает М.В. Сорокина, «трудовые ожидания зависят от мотивации работника и оценки им своего потенциала» [5, 100]. Аналогичным образом реализуется конфликт ожиданий между властью и обществом, предпринимателями и надзорными органами, представителями различных поколенческих групп, субъектами семейных отношений.

В социологической литературе конфликт ожиданий достаточно наглядно продемонстрирован на примере трехсторонней коммуникации высших учебных заведений, обучающихся и работодателей. Соответствующий кейс представлен А.Ю. Мягковым и он построен на

анализе тех противоречий, которые присутствуют в антиципативном сознании каждой из сторон. Природа данного конфликта, по мнению автора, кроется в невыполнении ими тех условий, которые способствовали бы объективации ожиданий, связанных с их социальными партнерами. «С одной стороны, - отмечает А.Ю. Мягков, - бизнес требует от вузов уже готовых специалистов с практическими умениями и навыками работы по профессии, но при этом он не готов активно участвовать в формировании профессиональных компетенций студентов в ходе производственных практик на предприятиях и организациях. С другой стороны, если «капитанам» промышленности и бизнеса не в последнюю очередь нужны люди, обладающие «социальным капиталом» (знакомствами, связями, статусными ресурсами и т.д.), а наличие диплома для них подчас важнее профессионализма, то высшее образование и впредь будет работать вхолостую, а разрыв между рынком труда и рынком образовательных услуг еще долго останется не преодоленным» [4, 109].

Одним из ключевых измерений антиципативного сознания выступает социокультурная темпоральность, обуславливающая переживание конкретным сообществом течения социального времени. Эту особенность антиципативного процесса важно учитывать именно применительно к условиям поликультурного пространства современной России. Дело в том, что гетерогенность жизненного мира россиян во многом определяется особенностями локализации в нем фактора темпоральности. Как справедливо замечает И. Шубрт: «Временные данные и измерение соответственно различны в различных культурах, т.к. отличается восприятие социокультурной среды, в котором их понимают и используют» [6, 5].

Плюралистическая теория социального времени (М. Хальбвакс, Г. Гурвич и др.) констатирует взаимную зависимость временных модусов и социальных практик, общественных страт, этносоциальных сообществ и религиозных деноминаций. При этом развитость антиципативного сознания напрямую зависит от того, какой тип темпоральности ему присущ. Так, доминирование темпоральной статики предельно минимизирует детерминирующее воздействие фактора будущего на социального актора. Напротив, «во времени, идущем вперед, происходит ускорение, во время которого будущее становится настоящим» [6, 8].

Не стоит забывать, что представления о будущем не только влияют на актуально реализуемые социальные действия, но и существенно детерминируются настоящим. Убежденность в континуальности социокультурных процессов и явлений способствует их воспроизводству в будущем. Очевидно, что при отсутствии в обыденном сознании понимания необходимости того или иного института или общественной нормы, таковые вряд ли могли бы быть пролонгированными.

Сказанное расширяет наши представления относительно интересубъективной природы образа будущего. Последний в жизненном мире существует не только как нечто очевидное, но и как своеобразный инвариант, лишенный сколь-нибудь реалистичных альтернатив. Отход от подобных

антиципативных стереотипов возможен только для того социального актора, который наделен необходимыми пассионарными качествами, повышенными рефлексивными и фантазийными способностями. Основная масса акторов представлена носителями стандартизированной антиципации, непроизвольно способствующей сохранению наличного социального миропорядка и «если бы отдельные составляющие социальной реальности не поддерживались, таким образом, в своей длительности, они бы исчезли» [6, 10].

В заключении попытаемся подытожить все вышесказанное и определить статус антиципативного конструкта относительно его локализации в жизненном мире. Полагаем, что образ будущего является конкретной данностью, в полном объеме наделенной всеми теми характеристиками, которыми обладает любой объект жизненного мира, включая такие параметры как определенность, очевидность, соотнесенность со всей совокупностью конкретно-эмпирических координат социальной действительности. Одним из важнейших атрибутов антиципации, осуществляемой на уровне жизненного мира, выступает ее нормативность, проблематизирующая пути и средства достижения искомого перспективного целеполагания. Избранный при этом социальный инструментарий, а также алгоритм его применения образуют долгосрочные жизненные стратегии как конкретного актора, так и коллективных субъектов общества. Помимо рефлексии в антиципативном процессе участвуют фантазийно-вероятностный момент, детерминанты ценностного порядка, предписания культуры, а также конкретика опыта повседневности. Влияние стереотипов массового сознания обуславливает рутинизацию антиципативного конструкта, позиционирующего будущее как модификацию настоящего. Изменение основных параметров образа будущего имеет ситуативную обусловленность, связано с социально-экономической трансформацией общества, личностной эволюцией социального актора, а также иными корректирующими моментами, включающими в себя также и погрешности в первоначальных расчетах в отношении будущего.

Литература:

1. Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. - № 12. – 2015. – С. 4-16.
2. Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социс. - № 3. – 2018. – С. 3-15.
3. Моизи Д. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. – М.: Московская школа политических исследований. – 2010. – С. 216.
4. Мягков А.Ю. Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда // Социс. - № 6. – 2016. – С. 102-110.
5. Сорокина М.В. Смена приоритетов? Трудовые ожидания работников ритейла в зеркале интернет-коммуникаций // Социс. - № 5. – 2018. – С. 99-110.

6. Шубрт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социс. - № 4. – 2015. – С. 3-11.

Literature:

1. Gorshkov M. K., Sedova N. N. "Self-sufficient" Russians and their life priorities // Socis. - № 12. - 2015. – P 4-16.

2. Lapin N. And. Anthroposociology evolutionism – the metatheoretic principle of learning communities // Sotsis. - № 3. - 2018. – P. 3-15.

3. Moisi D. the Geopolitics of emotions. How cultures of fear, humiliation and hope transform the world. - Moscow: Moscow school of political studies. - 2010. - P. 216.

4. Technical University Students: professional skills and expectations in the labor market. - № 6. - 2016. – Pp. 102-110.

5. Sorokina M. V. Change of priorities? Labor expectations of retail workers in the mirror of Internet communications // Socis. - № 5. - 2018. - P. 99-110.

6. Schubert I. the Concept of social time in sociology-a promising approach or theoretical impasse? // Socis. - № 4. - 2015. – P. 3-11.